

187. Из речи министра иностранных дел временного правительства Французской республики на заседании Временной консультативной ассамблеи

21 декабря 1944 г.

Договор, который мы подписали в Москве, соответствует неизменной основной линии французской политики. Он соответствует исконной традиции, определяемой постоянством фактов, традиции, благодетельность которой и Франция, и Россия испытывали каждый раз, когда они оставались ей верны. Договор вдохновлен уроками, извлеченными из испытаний, и содержит то, что необходимо, чтобы избежать их повторения.

Нет ничего более очевидного в истории как этой, так и прошлой войны, чем необходимость союза, без которого поток вторжения имеет возможность свободно устремляться со своих германских баз либо на Запад, либо на Восток, когда Запад и Восток разъединены.

Если я не ошибаюсь – а я думаю, что не ошибаюсь, – политика заключается в согласовывании воли людей с природой вещей, с тем чтобы эта последняя была использована на благо человечества.

Никогда в такой мере, как в вопросе франко-советского договора, мы не чувствовали необходимости подчиниться логике событий. То, что мы совершили, – надо ли вам об этом напоминать – мы совершили в атмосфере симпатии и дружбы, но я думаю, что каждый меня поймет, если я скажу, что наши встречи происходили прежде всего под знаком необходимости и наше соглашение скреплено ею.

Испытывая одну и ту же опасность – опасность, которая называется Германией, милитаристской, гитлеровской Германией, той Германией, которая порождает у каждого поколения новую философию силы, – Франция и Советский Союз должны были обезопасить себя и теперь действительно обезопасили себя от этой общей опасности.

Отныне Германия при любой новой попытке агрессии не сможет найти разделенными те страны, нападая на которые она могла рассчитывать на успех лишь в случае, если атаковала их поодиночке. Кошмар коалиций, который преследовал Бисмарка, был не чем иным, как боязнью борьбы на два фронта. Эта боязнь вместе с жестокими уроками вторжения достаточна для того, чтобы определить долг тех, чья миссия состоит в избавлении грядущих поколений от ужаса того, что мы перенесли и что сейчас с таким трудом и ценой таких жертв мы стараемся преодолеть.

То, что мы заключили в Москве, является союзом. Раз это союз, то мы его так и назвали. Не бояться слов – хорошее обыкновение даже в дипломатии, и в особенности в ней. Ни одной из договаривающихся сторон незачем было скрывать цель, которую она

преследовала, ибо эта цель именуется миром, в котором должна быть прочно обеспечена справедливость.

Вот почему мы заключили договор, который называется союзом. Этот союз основывается одновременно на велениях сердца и разума.

Разум показывает, что не может быть мира в Европе, пока Германия, которая всегда его нарушала, не будет лишена всякой возможности вновь наносить вред. Это возможно лишь в том случае, если ни на той, ни на другой границе Германия не сможет рассчитывать встретить меньшее сопротивление, попустительство, найти лазейку или хотя бы ослабление охраны, которую нужно будет всегда нести. Говоря о велении сердца, скажу лишь, что мы только что проехали по равнинам страны, опустошенной, разграбленной, потрясенной глубоким вторжением, страны, которая, несмотря на это, устояла, чтобы продолжать борьбу, перетянуть чашу весов на свою сторону и победить.

В Сталинграде, где мы были проездом, мы видели, как среди руин сияет нечто, может быть, более великое, чем героизм, что называется волей – волей к возрождению, волей к борьбе до победы.

Я вас уверяю, что это не просто более или менее напыщенные слова. Когда видишь эту волю на лицах людей среди хаоса, порожденного войной, когда видишь, как народ, изувеченный, задетый за живое, но великий мужеством и самоотверженностью, жертвует удобствами, радостями жизни, чтобы быть уверенным в том, что он возродится, то понимаешь, чувствуешь, что Франция, заключая договор, совершает нечто иное, чем брак по расчету.

Согласие между двумя правительствами – это уже кое-что. Но лишь братский союз между двумя народами, волю которых выражают правительства, является прочным, является предпосылкой длительного величия.

Наши маки и их партизаны, наши и их жертвы, смоленские леса и плато Веркор, Бир-Хакейм и Сталинград – вот что скрепляет союз, подписанный священной кровью всех героев, которых потеряли обе наши страны и которые с Запада до Урала и от пустыни до баррикад гибли с одинаковым мужеством и за единое дело.

Вот почему нам было легко заключить договор о союзе.

Господа! Вы читали этот договор. Он прост и краток, и он хорошо выражает то, что хочет сказать: никакого сепаратного мира, воля к борьбе, уверенность в победе. И то, что нужно будет сделать после победы, чтобы она не была напрасной, мы сделаем вместе, без уверток, не выжидая; будут приняты все меры, потому что мы знаем, чего нам стоили колебания в прошлом. Вот почему этот договор одновременно краток, прост и категоричен.

Народ, который в успехах видит повод для продолжения войны, народ, который в поражениях видит повод для возобновления войны, одинаково угрожает как Советскому Союзу, так и нам. Наш сосед – это народ, который порождает вторжение, который имеет какое-то чудовищное призвание к насилию, чему мы вынуждены противопоставить великолепную, но тяжелую и кровавую традицию сопротивления, это народ, который непрестанно возвращается на путь завоевания, никогда не разочаровываясь при поражении. 1815 год его не удовлетворил, Седан не остановил, 1918 год не покорил. Этот народ, который вновь принялся за старое после Брауншвейга, после Блюхера, после Мольтке, после Вильгельма II, – этот народ мы проникнуты решимостью лишить возможности приняться за старое после Гитлера.

Вот поэтому генерал де Голль и маршал Сталин, Франция и Советский Союз легко пришли к соглашению, чтобы заключить этот договор дружбы и союза, который кладет конец постоянной опасности, существующей в течение более столетия в центре континента.

Наша взаимопомощь будет быстрой, немедленной и, если можно так выразиться, автоматической. Таково содержание договора.

Я хотел бы теперь уточнить его значение.

Если французское правительство говорит, что оно не хочет западного блока, это, естественно, означает, что оно не хочет и другого блока, континентального или иного, и что, следовательно, союзный договор, подписанный только что в Москве, является в наших глазах, как и в глазах страны, началом совместного строительства общего здания, которое правительству надлежит продолжать, а Франции завершить.

Мы знаем об огромном вкладе, который внес Советским Союз в эту борьбу. Мы знаем также, каков был вклад Великобритании и Америки. Мы об этом говорили, мы об этом слышали в Москве из уст маршала Сталина и Молотова: ни наши союзники не намерены отделять нас от Америки и Англии, ни мы сами не намерены от них отделяться.

Когда маршал Сталин и генерал де Голль собрались вместе и когда Молотов и я должны были обсуждать проблемы, для разрешения которых мы совершили столь длительную поездку, много говорилось о тех, кто отсутствовал, и ни разу не возникла мысль держаться особняком. Ни Франция, ни¹ Советский Союз не стремятся составить что-то вроде блока, организации или союза, в котором не участвовали бы Америка и Англия.

Я много читал здесь и там о том, что франко-советский договор поднимает вопросы, касающиеся коллективной безопасности. Я хотел бы дать совершенно ясный ответ.

Союз [с СССР] не мешает, а, наоборот, предполагает, что мы будем иметь затем соглашения с Великобританией, с Америкой, со всеми странами, которые, подобно нам, чувствуют, что находятся под угрозой.

Нам до такой степени чужда мысль о заключении особых соглашений, что мы решили создать комиссию, которая занялась бы изучением, с точки зрения Франции, соглашений, заключенных без нас в Думбартон-Оксе, и которую согласился возглавлять постоянный представитель в Лиге наций Поль-Бонкур.

Вместе с ним и со всеми людьми, понимающими, что такое коллективная безопасность, мы изучим, каково подлинное положение вещей, каковы позиции держав и как можно будет согласовать эти позиции, включая нашу, чтобы создать организацию, которая, будучи наделена силой, способной осуществить ее решения, заставит соблюдать мир.

Я благодарю Поль-Бонкура и тех, кто вместе с ним взяли на себя эту задачу, которая, на наш взгляд, является важной. Мы действовали так, потому что, по нашему мнению, франко-советский союз является этапом в организации коллективной безопасности. Об этом, впрочем, говорится в преамбуле пакта. В этом смысле выразили свою волю руководители Советского Союза и мы.

Нужно ли говорить, что мы подписали пакт после того, как наши советские собеседники и мы обсудили вопросы, которые возникают в отношении будущего Европы? Проблемой, которая была главным предметом наших переговоров, проблемой, которая, даже когда мы ее не обсуждали, всегда оставалась в наших мыслях, была проблема Германии.

И как могло быть иначе?

Мы пересекли Россию от Баку до Москвы, проехав через Сталинград, и мы вернулись из Москвы в Баку через Ростов. Во время этих поездок перед нашими глазами прошли огромные просторы советской земли, и с болью в сердце наблюдали мы на протяжении тысяч километров знакомую французам картину: руины вокзалов, сожженные деревни, разрушенные города. Все, что было создано прошлыми поколениями, все, что было результатом усилий Советского Союза за последние 25 лет, безжалостно уничтожено гитлеровским нашествием.

Как же в этих опустошенных областях, перед лицом стольких жертв не возникнут мысли, как же каждому гражданину этой страны, как и нашей страны, не прийти к выводу: это не должно повториться. Этот ужас не должен повториться. По этому пункту в Советском Союзе, как и у нас, существует полная солидарность, полная общность взглядов: даже еще не начав говорить об этом, мы были согласны.

Поэтому договор, который мы подписали, если он представляет общее подтверждение дружбы и общей политики, то он прежде всего является актом обороны и – я хочу повторить это – одной из опорных колонн здания, в строительство которого мы надеемся внести свой вклад и которое окончательно избавит Европу и [весь] мир от возобновления трагедии, конец которой еще не наступил.

Однако никакая система союзов, никакая организация безопасности не могут явиться достаточной гарантией, если мы оставим в центре Европы Германию, сохранившую свои прежние границы, сохранившую контроль над своими естественными богатствами и своим промышленным потенциалом

Лишить Германию возможности наносить вред – это значит не только возвести вокруг нее барьер надежных союзов, это значит также вырвать у нее средства причинять вред. Именно это наши русские друзья и мы и решили ныне сделать раз и навсегда.

Мы не возражали против тех границ, которые Советское правительство наметило на востоке. Мы, таким образом, согласились на уступку Польше Восточной Пруссии, Померании и Силезии, поскольку эта передача, на наш взгляд, должна компенсировать Польшу за отказ от ее восточных провинций и вместе с тем отобрать у Германии, с одной стороны, районы, из которых вышел прусский милитаризм, и, с другой стороны, весь силезский промышленный бассейн. <...>

Ж. Бидо

СФОТ, II, с. 213–218